

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.1.2>

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)47

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМ О.А. ИГЕЛЬСТРОМА В СТЕПИ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА

Васильев Дмитрий Валентинович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин, первый проректор, Институт государственного управления, права и инновационных технологий dvvasiliev@mail.ru

ул. Александра Солженицына, 13, 109004 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье описана реализация реформ О.А. Игельстрома в Малой казахской орде. Показаны причины их неудачи. Рассмотрен вопрос об авторитете и влиянии ханской власти в среде казахов, а также правительственные меры по ограничению этой власти. Особое внимание уделено движению Сырыма Датова и тому, каким образом российское правительство использовало его в своих интересах при различных политических обстоятельствах.

Ключевые слова: история Казахстана, Малая орда, политика Российской империи, Центральная Азия, Игельстром, Сырым Датов, хан.

В 1786–1787 гг. в казахском приграничье России начала функционировать модель управления коренным населением, разработанная при самом активном участии оренбургского генерал-губернатора О.А. Игельстрома [1; 3; 4; 5]. Малая орда в административном отношении была поделена на три главных рода (алимулинский, байулинский и семиродский). В каждом из трех главных родов генерал-губернатор утвердил в должностях избранных главных старшин и родовых старшин (или родоначальников) в более мелких родах, их составляющих; привел их к присяге на Коране, установил жалованье [7, с. 74]. Иными словами, обратил традицию в должность. Генерал-губернатор был убежден, что новые чиновники, «...мысль чтоб иметь в орде хана совсем уничтожат... в народе»¹ [7, с. 78]. В каждом из трех родов учреждались расправы для разбора уголовных и гражданских дел между казахами, состоявшие из трех избираемых судей, утверждавшихся генерал-губернатором. Апелляционной инстанцией для всех расправ был Оренбургский пограничный суд.

Интересно, что барон Игельстром в своем служебном рвении, чувствуя «...кажущуюся готовность их (казахов. – Д. В.) принять в Орде всякое учреждение...» [6, с. 71], самовольно вышел за пределы указанных ему императрицей полномочий Пограничного суда. В соответствии с утвержденными им правилами деятельности расправ они превращались не только в судебный, но в полицейский и административный орган, ответственный за исполнение на территории всего рода распоряжений вышестоящего имперского начальства [7, с. 76–77].

Однако российская власть вынуждена была по-прежнему балансировать между собственными практическими административными нуждами и социальной ситуацией в казахской среде. Беспокойство вызывали ханы и султаны, потерявшие власть в новых условиях. Тот же О.А. Игельстром в письме Екатерине II утверждал: несмотря на то, «...что весь народ и старшины его находятся в едином согласии и что добровольно и с особливим удовольствием приняли в орде сии новые

учреждения, выбрав к должностям самых лучших знаменитейших и достойнейших людей... необходимо нужным почитаю избрать и открыть такую... дорогу (для потомков Абулхаир-хана и Нурали. – Д. В.), по которой могли бы они происходить в чины, исправлять свое состояние (материальное положение. – Д. В.) и сделаться через то приверженными и преданными...» империи [7, с. 80]. Это предложение было с пониманием встречено и поддержано Петербургом [8, с. 950–951].

Тем не менее, несмотря на все старания и увеличение числа расправ до пяти, они в 1803 г. были признаны не только не нужными, но никогда на самом деле не работавшими. И через год прекратили свое существование [10, с. 40–42]. Таким же неэффективным оказался и ханский совет.

В самом конце XVIII столетия правительство вернулось к идее создания пограничного суда для казахов Средней орды. 18 марта 1800 г. было принято решение учредить такой суд в Петропавловской крепости по аналогии с Оренбургским, а в Семипалатинской крепости – особое присутствие этого суда для разбора дел между казахами, кочующими близ Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей [9, с. 84–86].

В начале 1790 г. из Степи стали доходить известия о новом подъеме антироссийских волнений во главе с батыром Сырым Датовым [6, с. 129]. В течение зимы бывший союзник российского правительства превратился в его открытого неприятеля, готовя нападение на пограничные территории с помощью бухарцев [6, с. 131–132]. Как ни странно, но именно в Астрахани, а не в Оренбурге впервые распознали, «... что он показывал себя по своим интересам на обе стороны, соглашаясь со обстоятельствами, устранителем спокойствия» [6, с. 130]. Командир Астраханского казачьего полка сообщал в столицу, что, пресытившись его интригами, знатные казахи стали высказываться в поддержку ханской власти.

Вскоре после смерти в Уфе хана Нуралы (1790) императрица повелела провести выборы нового хана, предоставив казахам в этом полную свободу в соответствии с традицией [2, с. 134]. Однако, извещая о том султана Ералы, она подчеркнула: «И ежели по такому об-

щему избранию всего верноподданного нам киргизского народа падет жребий на Вас, как на человека сея верховныя степени достойнаго и толь близким родством с покойным ханом сопряженного, то мы оное благо примем, ведая Вашу к нам подданническую верность и ревность к общему добру и спокойствию» [2, с. 133]. Очевидно, что, несмотря на имевшие место прежде заигрывания с оппозиционером Сырым Датовым, российское правительство следовало идее превращения ханского звания в наследственное, а процедуры избрания хана – в процесс, в большей степени подконтрольный имперским властям. Вполне закономерно, что политика сглаживания различных казахских группировок не могла привести Малую орду в умиротворение. Естественно, что избрание Ералы ханом не могло удовлетворить Сырыма Датова, который заявил императрице протест, подчеркнув, что Ералы был избран на ханство далеко «... не по согласию всех Меньшей орды биев, а только с соизволения немногих». Мало того, он угрожал в случае невнимания к его заявлению начать вооруженные действия против сторонников новоизбранного хана [2, с. 135]. Противясь избранию Ералы, Сырым припомнил прежние соглашения с губернатором Игельстромом, согласно которым российские власти отказывались поддерживать избрание ханом кого-либо из потомков Абулхаира, и просил разрешить избрать ханом того, кого соратники Сырыма посчитают достойным [2, с. 137]. Поначалу Сырым со своими сторонниками считал возможным найти компромисс с российской властью. Ссылаясь на преклонный возраст и нежелание Ералы кочевать в центре Малой орды, они изъявили желание избрать ханом сына Нуралы Джалтыр-султана (то есть прямого потомка Абулхаира) и получить на то высочайшее утверждение. В противном же случае считали возможным обойтись в этом вопросе без участия имперской власти [2, с. 138–139]. Однако, не получив удовлетворения, Датов со своими сторонниками провозгласил ханом младшего сына Нуралы султана Исянтая, который должен был официально возглавить антироссийское движение в Степи [2, с. 138].

Видя, что Сырым Датов готовится к широкомасштабным антироссийским военным

действиям, генерал-губернатор А.А. Пеутлинг (1792–1794) просил императрицу прислать секретное предписание о захвате главного мятежника [6, с. 137–138]. В то же время сам Сырым, считая, что главный начальник края действует исключительно самостоятельно, скрывая от государыни истинное положение вещей на границе, гневно заявлял генерал-губернатору, что его сторонники, вопреки утверждению ханом Ералы, возвели в ханское достоинство сына хана Нуралы Исянтая (Исянгалия). И, хотя в самодеятельности генерал-губернатора Сырым явно ошибался, в одном он был совершенно прав: «...точной ваш обман и ухищрения видны, что вы нас оными хотите довести так же, как нагайцов и башкирцов: поспешить обуздать и наложить службу, а детей наших сделать солдатами и употреблять в походы и разные тягости хотите на нас возложить» [6, с. 138–139]. В сентябре 1792 г. Сырым Датов объявил соседям, что находится в состоянии войны с Россией [6, с. 139–140] и перешел к масштабным и организованным военным действиям, к которым присоединилось значительное число казахов, недовольных жесткими шагами пограничной администрации, зачастую поддерживаемыми ханом Ералы и султаном Айшуаком.

В самом начале 1794 г. большая группа старшин Младшего жуза обратилась к Екатерине II с протестом на действия имперских властей. Они выражали недовольство тем, что не были допущены к избранию ханом Ералы, в результате чего во главе орды встал старый, больной, выживший из ума человек, неспособный решать вопросы казахско-российских взаимоотношений. Жаловались на то, что в отличие от башкир, мишарей, тептярей, черемисов, чувашей, калмыков и черкесов они были лишены права самостоятельно избрать себе правителя, что, невзирая на их просьбы, количество расправ в Малой орде не было увеличено. Обвиняли в своей вынужденной барымте бездеятельность царской администрации, ее глухость к интересам казахов, а также соединение нерадивых российских начальников с сыновьями Абулхаира, которые превратились в настоящих грабителей казахского народа [6, с. 166–169].

Секунд-майор российской службы султан Шергазы весной того же года встречал-

ся в орде с батыром Сырымом и его сторонниками. Ему удалось убедиться в том, что казахские старшины желают оставаться в российском подданстве и что главной причиной волнений в Степи является их недовольство злоупотреблениями и жесткой политикой пограничной администрации, исключаяющей, по их мнению, уважение местных традиций и достоинства казахской знати [6, с. 175–180]. И сам Шергазы признавал, что единственным способом умиротворить Степь было бы независимое от местного начальства расследование фактов нанесения казахам разного рода убытков со стороны пограничной администрации и соответствующее возмещение потерь. Иными словами, представитель казахской знати на российской службе фактически призывал к замене пограничного начальства и смене политического курса в Степи [6, с. 181].

На сей раз просьбы казахских старшин были приняты во внимание исполняющим обязанности симбирского и уфимского генерал-губернатора; а позднее командующим Оренбургским корпусом и оренбургским военным губернатором был назначен Сергей Кузьмич Вязмитинов (1794–1796 гг.) – будущий первый военный министр России, петербургский военный генерал-губернатор и председатель Комитета министров Российской империи. Следует признать, что новый главный начальник края еще в пути к месту службы принял решение, которое характеризует изменение политического курса, своего рода возврат к принципам Игельстрома. Он получил рапорт уфимского вице-губернатора князя И.М. Баратаева, в котором тот, невзирая на отрицательное мнение Пограничной комиссии, основанное на императорском повелении от 27 декабря 1782 г., поддерживал ходатайство ханского совета Малой орды о разрешении казахам в зимнее время перегонять скот на внутреннюю сторону р. Урала [6, с. 182–184]. Не дожидаясь высочайшего разрешения этого вопроса, новый главный начальник края согласился с Баратаевым [6, с. 185].

Ералы скончался в 1794 г., а в 1795 г. ханом был избран сын Нуралы Есим. Потерявший значительное число сторонников и отошедший вглубь от пограничной линии батыр Сырым Датов изъявил желание примириться с новоизбранным по высочайшему повелению

ханом [6, с. 187–188], что было весьма необходимо империи для утверждения мира и порядка в Малой орде. Однако, по всей видимости, Сырым не терял надежды вновь, как это уже было с Нуралы, низвергнув хана, стать лидером в Младшем жузе. Он планировал новые нападения на российскую границу и организовал убийство хана Есима 27 марта 1797 года [6, с. 189–190]. Это трагическое событие фактически означало окончание активного сопротивления Сырыма Датова, вынужденного откочевать за пределы Малой орды.

После смерти Есима барон Игельстром учредил ханский совет (с правами ханской власти), намереваясь таким образом отказаться от избрания нового хана. Однако новый орган не пользовался популярностью у казахской знати. Ко всему прочему, в это время в Младшем жузе начали набирать силу сторонники сохранения ханского звания. Поэтому правительство решило назначить ханом престарелого сына Абулхаира Айшуака. При этом совет был не уничтожен, а сохранен при новом хане.

Примерно в то же время беспокойной была обстановка и в подведомственном России Среднем жузе. События в ней развивались по близкому сценарию. И здесь подданные высказывали недовольство местным ханом Уали, обвиняя правителя в поощрении междоусобной барымты, грабежей, несправедливости и слабости правления, сопровождавшегося мздоимством и корыстолюбием хана. Возмущенные старшины просили освободить их от такой власти, приняв их под непосредственное российское управление [2, с. 139–140]. Сибирское пограничное начальство выражало согласие с мнением среднеордынских султанов и старшин о личной выгоде, которую извлекал хан Уали из поощряемых им разбоев и грабежей. Командующий войсками и управляющий Сибирским краем генерал-поручик Густав-Эрнст Штрэндман (1789–1800 гг.) видел в обращении представителей элиты Среднего жуза следующие выгоды для империи: во-первых, расширение «без малейшего насилия» территории империи за счет присоединения «новой богатой стороны»; во-вторых, обеспечение безопасности торговых караванов за счет максимального приближения границ России к ташкентским и

бухарским владениям; в-третьих, развитие на этих землях столь необходимого для империи хлебопашества и скотоводства, что должно было явиться следствием полного умиротворения края [2, с. 141–142]. Следует заметить, что источники свидетельствуют о фактах разрешения казахам перехода на внутреннюю сторону р. Иртыша с целью закрепления их в российском подданстве [2, с. 148].

Нестабильное положение казахской элиты вообще и ханской власти в частности подталкивало российскую администрацию к необходимости новых реформ, направленных на ограничение самостоятельности казахской знати. Предложения по преобразованию управления Казахской степью и ее более интенсивному вовлечению в сферу имперской внутренней политики исходили от чиновников разного уровня и социального статуса [1, с. 174–184]. Но подойти к серьезным преобразованиям в этом плане Россия смогла лишь в начале 1820-х гг., введя Степь в административную структуру империи и сохранив при этом региональное своеобразие ее отдельных частей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее оригинальные орфография и пунктуация сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века / Д. В. Васильев. – М. : Полит. энцикл., 2014. – 471 с.
2. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы) : сб. документов и материалов / редкол.: М. О. Джангалин, Ф. Н. Киреев, В. Ф. Шахматов. – Алма-Ата : Наука, 1964. – 575 с.
3. Любичанковский, С. В. Политика генерал-губернатора О.А. Игельстрома по отношению к казахам (результаты контент-анализа документов Государственного совета, 1787–1790 гг.) / С. В. Любичанковский // Человеческий капитал. – 2012. – № 8. – С. 132–135.
4. Любичанковский, С. В. Реляции О.А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи / С. В. Любичанковский // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 2 (39). – С. 102–107.

5. Любичанковский, С. В. Реформа управления казахской степью генерала Игельстрема в отражении опубликованных документов из архива Госсовета (конец XVIII века) / С. В. Любичанковский // Четвертые международные востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. – Ташкент : Ташк. и Узб. епархия Моск. патриархата РПЦ, 2014. – С. 139–147.

6. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV / отв. ред. М. П. Вяткин. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 543 с.

7. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1 / сост.: М. Г. Масевич. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960. – 441 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXII. 1784–1788. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1179 с.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXVI. 1800–1801. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 885 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Отд. III и IV. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1180 с.

REFERENCES

1. Vasilyev D.V. *Rossiya i Kazakhskaya step: administrativnaya politika i status okrainy. XVIII - pervaya polovina XIX veka* [Russia and Kazakh Steppe: Administration Policy and the Status of the Region. 18th and the First Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 471 p.

2. Dzhangalin M.O., Kireev F.N., Shakhmatov V.F., eds. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII-XIX vekakh (1771-1867 gody): sbornik dokumentov i materialov* [The Kazakh-Russian Relations in the 18-19th Centuries (1771-1867): Collected Documents and Materials]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1964. 575 p.

3. Lyubichankovskiy S.V. Politika general-gubernatora O.A. Igelstroma po otnosheniyu k kazakham (rezultaty kontent-analiza dokumentov Gossoveta, 1787-1790 gg.) [The Policy of Governor General O.A. Igelstrom in Relation to Kazakhs (Results of the Content Analysis of Documents of the State Council, 1787-1790)]. *Chelovecheskiy kapital*, 2012, no. 8, pp.132-135.

4. Lyubichankovskiy S.V. Relyatsii O.A. Igelstroma v Gosudarstvennyy sovet kak istoricheskiy istochnik po probleme integratsii kazakhskikh zemel v sostav Rossiyskoy imperii [O. Igelstrom's Reports to the State Council as a Historic Source on the Problem of Integration of the Kazakh Area into the Structure of the Russian Empire]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2013, no. 2 (39), pp. 102-107.

5. Lyubichankovskiy S.V. Reforma upravleniya kazakhskoy stepyu generala Igelstroma v otrazhenii opublikovannykh dokumentov iz arkhiva Gossoveta (konets XVIII veka) [The Reform of Management of the Kazakh Steppe by General Igelstrom in Reflection of the Published Documents From the Archive of the State Council (the End of the 18th Century)]. *Chetvertye mezhdunarodnye vostokovedcheskie chteniya pamyati N.P. Ostroumova* [The Fourth International Oriental Readings in the Memory of N. Ostroumov]. Tashkent, Tashkentskaya i Uzbekskaya eparkhiya Moskovskogo patriarkhata RPTs, 2014, pp. 139-147.

6. Vyatkin M.P., ed. *Materialy po istorii Kazakhskoy SSR (1785-1828 gg.). T. 4* [Materials on the History of Kazakh Soviet Socialist Republic (1785-1828). Vol. 4]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1940. 543 p.

7. Masevich M.G., ed. *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii). T. 1* [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan (From Accession of Kazakhstan to Russia to the Great October Socialist Revolution). Vol. 1]. Alma-Ata, Izd-vo AN KazSSR, 1960. 441 p.

8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e. T. 22. 1784-1788* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection. Vol. 22. 1784-1788]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830. 1179 p.

9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e. T. 26. 1800-1801* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection. Vol. 26. 1800-1801]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830. 885 p.

10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e. T. XLIV. Ch. II. Kniga shtatov. Otd. 3 i 4* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection. Vol. XLIV. Part 2. States Book. Dep. 3 and 4]. Saint Petersburg, Tipografiya 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830. 1180 p.

IMPLEMENTATION OF O.A. IGELSTROM'S REFORMS IN THE STEPPE OF ORENBURG REGION

Vasilyev Dmitriy Valentinovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Humanities and General Scientific Disciplines, First Vice-Rector,
Institute of State Management, Law and Innovative Technologies
dvvasiliev@mail.ru
Aleksandra Solzhenitsyna St., 13, 109004 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article describes the process of implementing the reforms by O.A. Igelstrom in the Small Kazakh Horde. The author briefly acquaints with the main content of reforms of governance of the Orenburg part of the Kazakh steppe in the 1870. The main motives and the purposes of regional administration in carrying out administration reforms in the region and the necessity to take local traditions of the organization of the power into consideration are reflected. The reasons of O.A. Igelstrom's reforms failure are revealed and discussed. The author studies the issue related to the authority and the influence of the khan's power among the Kazakhs and the government measures on the restriction of this power. Attempts of the imperial government to manipulate with elections of new khans are described in the article. Reaction of the Kazakh elite on those actions is shown. The special attention is paid to the movement of Syrym Datov and to the way the Russian government took the advantage of this movement under various political circumstances. Winning round the Kazakh opposition and pushing it away under the changed circumstances, the Russian administration steadily solved one of the main political tasks to replace the elected head by a person or an institution loyal to the emperor and suitable for carrying out the requirements of the Russian regional administration. But it was impossible to solve the problem in the conditions of O. Igelstrom's reforms. The way to achieve the desired goal was opened with M. Speransky's reforms of 1820.

Key words: history of Kazakhstan, Small Horde, policy of the Russian Empire, Central Asia, Igelstrom, Syrym Datov, khan.